

Человек, приведенный Котпун

Весеннее солнце нежно греет столицу Пхеньян.

На ее центральной улице горой стоит Пхеньянский Большой театр. Под его крышей с голубыми черепицами стекается толпа людей, празднично наряженных мужчин и женщин, старых и молодых.

Вот уже несколько дней здесь идет в аншлаге концерт в рамках 31-го дружественного художественного фестиваля «Апрельская весна» по случаю Дня Солнца.

Один за другим останавливаются автобусы, из которых выходят миссии дружбы из разных стран мира. Люди, улыбаясь,жимают друг другу руки и это еще более поднимает праздничное настроение. Среди них и артисты, знакомые по экрану, спортсмены, известные деятели политического, научного и общественного кругов и другие...

В толпе приверженцев идей чучхе я подхожу к ступеням у входа в театр.

Вдруг сзади кто-то останавливает меня, взяв меня за рукав. Оборачиваюсь и вижу главу делегации Непальского общества в поддержку политики сонгун Маника Бахадура Ламу. В чем дело?

По привычке я мигаю глазами, а он с многозначительной улыбкой показывает рукой на фреску на правой стене театра «Цветочница».

Мы с ним медленно подходим к фреске.

Ой, это же «Цветочница»!

Ведь о ней так много мы разговаривали с Маником и его товарищами вчера вечером в гостинице!

Тем не менее, я прошла равнодушно мимо этой картины...

У меня слегка покраснело лицо от угрызения совести – у них,

пришельцев из далекой страны, в душе так бережно хранится Котпун, а что у меня, которая родилась на родине Котпун?

Может быть, я вообще позабыла цену моего счастья, живя как цветок в саду в нежных объятиях социализма, защищающего меня и от холодного ветра, дождей и снегов.

Я с новым чувством поглядываю на «Цветочницу», Котпун – девушку из семьи батраков, обыденной на любой корейской деревушке в начале прошлого столетия.

И сегодня она держит в руках корзинку с цветами и будто учит людей глубокой истине – в колониальном обществе империалистов судьбы бедных людей невозможно спасти лишь искренностью или сочувствием; трудящиеся народные массы могут самостоятельно решать свои судьбы, лишь поднявшись на путь революции.

- Котпун привела меня в Пхеньян, - звучит серьезный голос Маника. Я замечаю - что-то блеснуло у его морщинистых глаз, устремленных к Котпун.

У меня в голове всплывает история, которую Маник рассказывал вчера вечером в гостинице.

- Тогда мне было 17 лет, – так начал свой рассказ Маник, а перед ним кинолентой пронеслись события его давней молодости.

...

- Пойдем смотреть корейский фильм! – звонкий голос парня, который громче петушиного крика, пронесся по утреннему воздуху маленького поселка с названием Кабул, отдаленного от Катманду на целые 50 километров.

Уже несколько дней Маник уговаривал своих товарищей поселка посетить Посольство КНДР в Катманду для просмотра

фильма. И вот настал обещанный день – воскресенье, и Маник проснулся еще до рассвета, стучал в дверь домов, выкрикивая товарищей.

Манник с низким ростом выглядел моложе своего возраста, но он своим сильным характером располагал товарищей к себе и те всегда охотно составляли ему компанию. И этим рассветом все, как солдаты по приказу, поспешно вышли из-за калиток. У всех были, хотя старенькие, но опрятные национальные костюмы белого, как снег, цвета – матери всю ночь старались – чистили, сушили и гладили. Рубашки со стоячим воротником, короткими рукавами и разрезом по нижним бокам, брюки, широкие в бедрах и узкие в голених, длинный жилет, да и головной убор круглой или овальной формы разных цветов – все это на детях смотрелось как нельзя лучше.

Одна девушка на упреки родителей, мол, зачем ей ходить с парнями, умоляла их словами «Хочу посмотреть Катманду!» и, наконец, выпросила разрешения. Она даже успела нарядиться в лучшую в доме юбочку и кофточку с короткими рукавами и поясом, надеть на голову большую косынку, закрывающую голову с плечами, украсить себя серьгами со стеклянными, но кажущимися настоящими, бусинами, браслетом и кольцом. Она даже подняла на ноги младшего, пока еще не отошедшего от сна, брата с гноем в уголках глаз.

В то время еще не ходили автобусы от Кабула до Катманду, и люди каждый раз, когда собирались на рынок, покидали дом еще при звездах.

Люди довольствовались лишь учебой в начальной школе, которая была единственной в поселке, еще мальчишками тащили

соху на полях. И дети таких крестьян и мечтать не могли смотреть фильм, да куда еще корейский...

По словам Маника, Корея – удивительная страна, где под мудрым руководством великого вождя все живут в равенстве, где народ стал хозяином заводов и сел и нет эксплуатации и гнета.

Молодые люди прислушивались к его словам – он, наверняка, видел и слышал больше их, ведь благодаря отцу, имеющему самую большую площадь земли в поселке Кабул, он жил без житейских забот, окончил даже гимназию, что в другом городе.

В компании Маника было целых 15 человек. Болтая друг с другом, они шли и шли по холму, за которым падали одна за другой звезды.

Со временем люди стали молчать – хотелось есть. Так как в этот день они освободились от работы, а это заставляло их почувствовать угрызение совести, и у многих были пустые карманы – не могли взять с собой даже жареные пироги из крупы кукурузы и чумизы, которыми питалась любая семья.

Кто-то вбежал в банановую плантацию у дороги, потихоньку подошел к хозяину, рано пришедшему на работу.

Непал – страна гористая, и куда ни смотришь, море террасированных кукурузных, ячменных и пшеничных полей и рисовых чек.

Во время посева, удобрения и уборки урожая люди несколько дней вообще не покидали участки в горах. Но никто не бросал земли. Наоборот, год за годом расширялась площадь полей и чеков, а это неизбежно приводило к новым стихийным бедствиям.

Катманду и его окраина располагались в ущельях и котловинах и большинство семей в них выращивали тропические фрукты, как

банан, и мало кто нервно реагировал на просьбу прохожих полакомиться ими.

Маника получил разрешение хозяина, вытащил с ножны кукри (широкий и тяжелый горбатый нож), ловко срез целую кисть спелых банан и побежал к друзьям.

«Ура!» - все одновременно закричали. Что веселее времени кушать! Компания мгновенно уничтожила бананы. Плоды были большие и сладкие, но их было недостаточно для испытания 15 молодыми сытости, а достаточно для уступки друг другу.

Наконец, кампания молодых в приподнятом настроении продолжила поход. Это был поход людей, полных гордости за то, что идут на просмотр неизвестного другим корейского фильма.

Они прибыли в Катманду, когда солнце висело высоко на небе.

Хотя город был столицей, где стенами стояли здания правительства страны, но на улицах рядом с людьми свободно ходили мясистые волы, собаки и обезьяны и под ногами часто попадал секрет скотов. Девушкам этого не хотелось, и они шли с опущенными глазами, держа руками шаль.

Но их озабоченность постепенно уступала место необычным для провинциальной молодежи видам столицы как самого крупного в стране торгового центра. Кроме Маника, все были в столице первый раз.

На улице прямо у домов стояли лавки с грудями различных товаров. Говорят, их привозят из Индии через пограничный город Бирганж. Но эти товары долго не занимали молодых. Они снова испытывали голод. Здесь в городе везде столовые под разными вывесками, но банановых плантаций нет. Вкусный запах выходил с окон и дверей столовых, раздражая голодный желудок.

Но деревенским молодым туда нет дороги – нет денег.

Они старались не смотреть друг на друга, боясь выдать свою мысль.

Вдруг Маник без колебания отправился в какой-то дом и позвал к себе товарищей. Молодые бросились за ним.

- Неужели Маник хочет нас угостить?

- Спасибо, Маник.

Даже нашелся парень, который заблаговременно благодарит Маника. Маник что-то сказал хозяину и перед каждым на стол подали по тарелке острого плова с зеленью. Подергиваясь ноздрями от непривычного запаха разного аромата, молодые люди усердно подносили к губам ложки с пловом. Быстро опустошив тарелки, они положили на стол ложки, скрывая сожаление. Как нелепо надеяться насытиться за счет других!

- Спасибо за плов.

Парни наперебой поблагодарили Маника. А тот лишь улыбнулся. В отличие от утра, когда выкрикивал товарищей, он в течение всей дороги молчал, вел себя сдержанно. Наверное, поэтому не только дети, но и взрослые поселка редко возражали словам Маника.

Маник родился в семье потомственных кулаков. Его родители хотели, чтобы сын получил в наследство всю землю, оставленную предками, и занимался земледелием, но тот, будучи гимназистом, начал участвовать в социально-политической деятельности. Читал много книг, среди которых были и труды Маркса и Ленина, и книги о вожде корейского народа **Ким Ир Сене**.

Думал над тем, какой идеологией должны быть вооружены непальцы для процветания и интересов страны и нации. Ведь

Непал был лишен независимости, долгие годы живя в тисках Великобритании. Он, хоть и называется суверенным государством, но низкопоклонство и догматизм объедали дух нации везде – в политике, экономике, культуре.

Мы должны изменить себя, нет, должны найти себе место.

Кому, как не нам, суждено вновь показать миру дух пламени Горка, непальской нации, которая в далеком прошлом славилась мужеством и стойкостью и ни разу не поддавалась агрессорам!

Почему молодежь должна считать высшей честью каждый год быть отобранной охранником королевского дворца Великобритании, а не защитником своей страны?

Почему в государственных политических органах могут служить только те, которые окончили вузы не в своей стране, а в Индии, Австралии, Великобритании и США?

Маник уже не мыслил по-мальчишески.

Он стал частым гостем Посольства КНДР. Со временем начал симпатизировать идее КНДР о независимости в политике, самостоятельности в экономике и самообороне в защите страны, то есть идеям чучхе.

Ему хотелось передать свое приподнятое настроение своим друзьям, открыть им свой мир, свою душу. Ради этого он и копил карманные деньги, что давали ему родители.

Маник привел друзей в Зямсикел(название района), где находилось Посольство КНДР.

- Здравствуйте, господин советник! – сказал Маник.

Советник Посольства сразу узнал Маника, обрадовался, поднял приставленные кисти рук до груди, как это делают непальцы при поклоне, и любезно произнес:

- Намастэ! (Здравствуйте!)

Он говорил по-непальски хорошо, с отличным произношением.

Это был единственным из сотрудников Посольства КНДР, кого знал Маник. Советник с доброй улыбкой на лице пожимал руку каждому из друзей Маника как своему другу.

Их пригласили в кинозал и, как обещали, показали корейский художественный фильм «Цветочница».

Впоследствии Маник вспоминал:

«В тот день я первый раз видел Котпун (героиня фильма). Мы с друзьями смотрели фильм в слезах. А девушки даже рыдали.

Горькая жизнь семьи Котпун была очень похожа на страдания и печаль бедных крестьянских семей Непала.

Смотря фильм, я мысленно говорил Котпун:

«Котпун, ты учишь меня истине: живешь рабом у эксплуататоров – тебя ждет только смерть.

Значит, только в борьбе путь к выживанию. Да, теперь-то я понял это, Котпун! »

Думаю, тогда мы с героиней фильма Котпун были почти ровесники. Наверное, поэтому я сразу заговорил с ней на «ты».

В тот день мы вернулись домой поздно ».

...

Возвращаясь домой, они со слезами на глазах пели песню из фильма.

Цветы, цветы, берите цветы!

Красивые, алые цветочки!

Нежные, свежие, душистые,

Радужные, солнечные цветы.
Я собирала, чтоб помочь
Любимой матери больной.
Кто забыл цветы!
Берите алые цветочки!

Всю дорогу их с луной сопровождала Котпун. Нет, их вела за собой облик героини: девушка, которая, в горьких слезах терпя всякие трудности и оскорбления, продает цветы; девушка, которая рыдает над матерью, умершей, не успев даже хоть один раз принять купленные, наконец, дочерью лекарства; девушка, которая, оставив одну ослепленную сестру, через далекий путь пришла к брату в тюрьму, но, услышав, что тот умер в тюрьме, падает в обморок; девушка, которая, не сдерживая гнев, бросает горящую жаровню прямо в лицо помещика...

И на склонах-косогорах
Расцвели азалии и абрикосы
Пушистые и чистые,
Словно росы.
Абрикосы и азалии
Подарить всегда спешу.
Ведь цветы их – исцеление
Для сердец и для души.

Они, поя, шагали по полю, где росы на травах мочили их штанины, а голоса их, хотя низкие, все дрожали от слез и проносились по далеким хребтам Гималаев, через холмы времени.

«Так начались наши первые шаги за Котпун, а спетая нами в ту ночь песня была песней клятвы – вслед за Котпун смело идти путем классовой борьбы.

С тех пор я, как Котпун, осознавшая революцию и вышедшая на путь новой жизни, начал путь профессиональной борьбы».

Эти искренние слова Маника сильно тронули струны моего сердца.

Тогдашний парень Маник сегодня стал дедушкой, а Котпун осталась такой же, как была!

Она вечно сохранится в памяти людей в облике девушки, держащей не корзину слез и преданности к родителям, а корзину борьбы и революции, и вчера, и сегодня, и завтра активно призывающей многих людей на осуществление дела самостоятельности, направленного на построение нового общества, где нет эксплуатации и гнета.

Я вновь посмотрела на того, которого Котпун привела с собой.

Да, невысокий мужчина с седыми волосами!

Это Маник, кто перед фреской «Цветочница» будто прислушивается к зову Котпун и, прищурив от солнца глаза, гладит рукой по своим негустым седым волосам.

Котпун привела не только его одного.

Оказывается, та девушка, которая в ту звездную ночь рука об руку с Манником шла по полю, поя песню «Покупайте цветы», стала ему женой.

И она с мужем приехала за Котпун.

За отцом и матерью последовали и их дети.

Как все они молодцы!

Я повела Маника с его сопровождающими к входу театра. И мне показалось, что всех входящих в зал, у которых разный цвет лица, привела с собой Котпун.

Мысленно я всегда буду стоять с ними перед Котпун.